

~~024~~

~~335.5:323.2~~

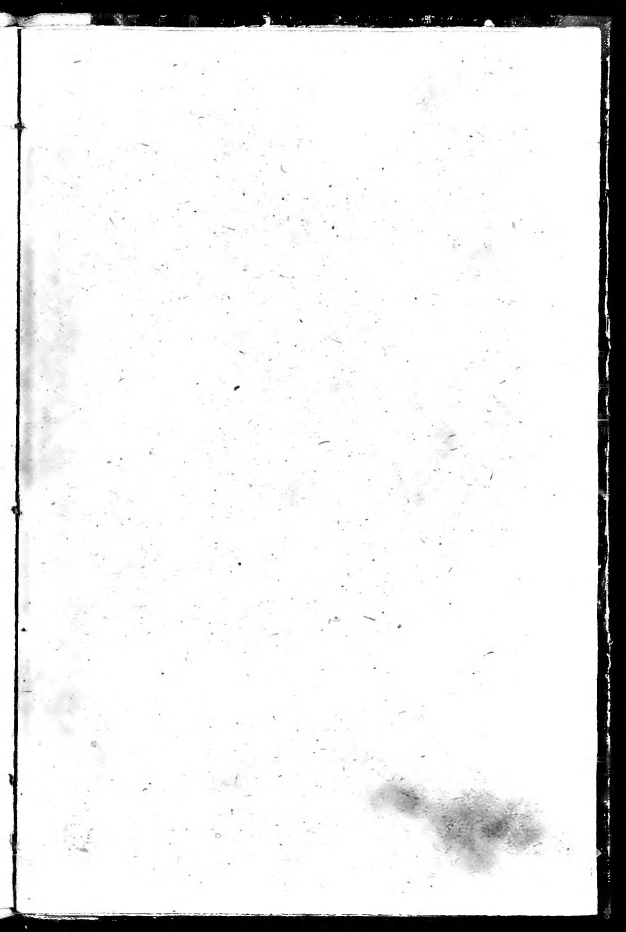
~~11.70~~

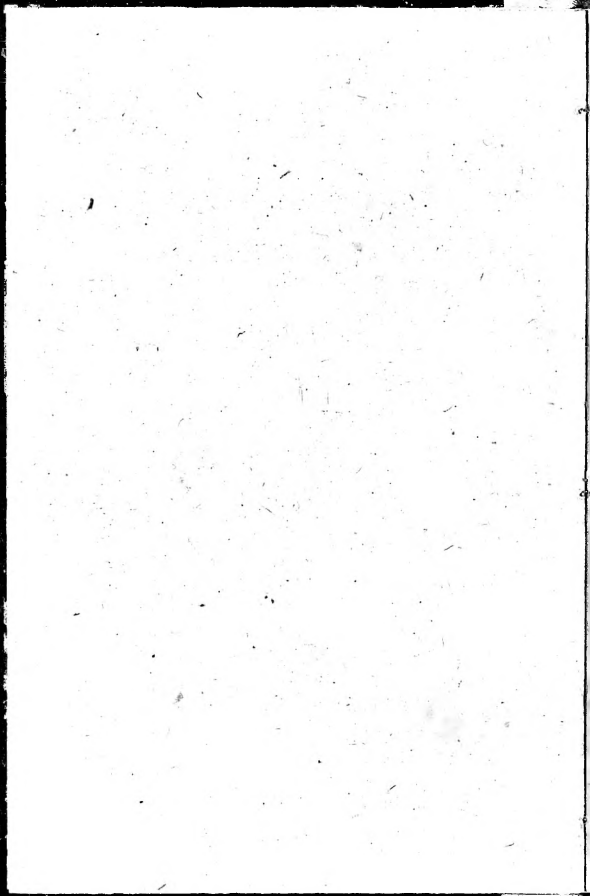
И. Д. НАШАТАКТИКА В БОРЬБЕ ЗА УС

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ЕН171

НЗ71

Книгоиздательство „НОВАЯ ВОЛНА“

Троцкий, Л. Д.

ЕН 171

Л. Д. — iii

Н 371

Наша тактика въ борьбѣ

за учредительское собраніе

Революція и ея силы

Цѣна 8 коп.

МОСКВА .

Тверской бульварь 53. Типографія „Энергія“
1906

1-й экз.

[Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page]

WORLD
The World of Today and Tomorrow

м 224

ЕН 171
Н 371

~~3355~~ 27.2
м. 20

~~12109~~

1062609

(1100)
28

~~3297~~ 01.
36

Наша тактика въ борьбѣ за Учредительное Собрание.

I.

Въ декабрь правительство вооруженной рукой подавило пролетаріатъ и разрушило его организацію, а этого факта было достаточно, чтобы либеральные оппортунисты провозгласили крушеніе революціонной тактики. Имъ казалось, что ихъ поддерживаетъ очевидность: пролетаріатъ разбитъ, следовательно тактика, которой онъ держался, не ведетъ къ побѣдѣ.

Мы отвѣчали либеральнымъ оппортунистамъ: пролетаріатъ разбитъ въ бою, но это не значитъ, что разбита боевая тактика пролетаріата. Пораженіе можетъ явиться не только, какъ продуктъ политическихъ ошибокъ; оно можетъ быть неизбежнымъ результатомъ соотношенія силъ.

Если у реакціи достаточное число штыковъ, которые не гнутся, и достаточное количество солдатскихъ рукъ, чтобы направить эти штыки, тогда революція можетъ потерпѣть военное пораженіе совершенно независимо отъ тѣхъ или другихъ тактическихъ промаховъ.

Но если декабрьское пораженіе пролетаріата имѣло своей причиной недостаточность его силъ, то не состоитъ ли ошибка именно въ томъ, что онъ, не будучи достаточно сильнымъ для побѣды, принялъ сраженіе?

На этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ.

Прежде всего, въ революціи, какъ и въ войнѣ, моментъ сраженія не опредѣляется доброй волей одной изъ сторонъ, чаще всего онъ непосредственно вытекаетъ изъ положенія и настроеній обѣихъ враждебныхъ армій. При извѣстныхъ условіяхъ уклониться отъ сраженія можно не иначе, какъ покинувъ занятую и укрѣпленную позицію и бѣжавъ съ поля битвы. Такая тактика, несомнѣнно, спасаетъ отъ непосредственнаго пораженія, но всегда-ли она цѣлесообразна? Не способна-ли она внести въ собственные ряды деморализацію и тѣмъ подготовить будущее пораженіе? И, наконецъ, если на войнѣ, благодаря механической дисциплинѣ арміи, можно въ каждый данный моментъ увести ее всю цѣликомъ съ поля сраженія, то это совершенно недостижимо въ революціи: здѣсь уклониться отъ возстанія, разъ оно подготовлено предшествующимъ развитіемъ борьбы, означаетъ для организованныхъ силъ иногда не что иное, какъ оставить подъ непріятельскимъ огнемъ массы. Передъ такой именно перспективой стояла социалдемократія въ декабрѣ: она могла не принять вызова реакціи и отступить на заранѣе подготовленныя подпольныя позиціи, предоставивъ правительству громить легальныя и полулегальныя рабочія организации, созданныя при ея ближайшемъ участіи; она купила бы себѣ такимъ образомъ дѣйствию возможность смотрѣть на революцію со стороны, резонерствовать по поводу ея ошибокъ и выработать безупречные планы, недостатокъ которыхъ состоитъ единственно въ томъ, что они являются на сцену лишь тогда, когда въ нихъ уже нѣтъ никакой надобности. Словомъ, партія могла бы усвоить себѣ тактику, составляющую нынѣ собственность отдѣльных политиковъ, которыхъ Парвусъ удачно назвалъ „литературными резонерами“. Можно себѣ представить какъ такая тактика способна укрѣплять связь между нами и массой!

Партія уклонялась отъ сраженія дотолѣ, доколѣ это было въ ея силахъ. 22 октября, по ея инициативѣ С. Р. Д. въ Петербургѣ отмѣнилъ траурную манифестацію, дабы не провоцировать неизбежнаго столкновенія, не попытавшись предварительно использовать новый режимъ для широкой открытой агитаціонной и организаціонной работы среди массъ. Когда правительство сдѣлало преждевременную попытку атаковать страну и, для опыта,

объявило Польшу на военномъ положеніи, С. Р. Д., придерживаясь, по инициативѣ партіи, чисто оборонительной тактики, не сдѣлалъ даже попытки довести ноябрьскую стачку до открытаго столкновения, но превратилъ ее въ манифестацію протеста, удовлетворившись ея огромнымъ моральнымъ эффектомъ и косвеннымъ практическимъ результатомъ.

Но если партія уклонялась отъ сраженія въ октябрѣ и ноябрѣ, мотивируя это для себя и для массъ необходимостью организаціонной подготовки, то въ декабрѣ это соображеніе совершенно падало,—не потому, что подготовка была на лицо, а потому, что правительство начало борьбу именно съ разрушенія всѣхъ созданныхъ въ октябрѣ и ноябрѣ революціонныхъ организацій. Если бы при этихъ условіяхъ Партія и могла уклониться отъ сраженія, если бы она и могла увести съ доля борьбы массы, захваченныя „легально“—революционными организаціями, она, поступивъ такимъ образомъ, сознательно пошла бы навстрѣчу возстанію при еще менѣе благоприятныхъ условіяхъ: при полномъ отсутствіи прессы и широкихъ вліятельныхъ организацій, а также при неизбежной деморализаціи, вызванной отступленіемъ.

Декабрьское возстаніе было неизбежно, его поражение было результатомъ военного перевѣса реакціи надъ революціей. Но, будучи военнымъ поражениемъ, декабрьское возстаніе было политической побѣдой: оно чрезвычайно ускорило процессъ разложенія арміи и поставило революціонный пролетаріатъ въ центрѣ сочувственнаго вниманія огромныхъ массъ городского и сельскаго населенія. Другими словами, декабрьское возстаніе вызвало рѣшительное измѣненіе въ томъ соотношеніи силъ, которое создало возможность декабрьскаго поражения.

II.

Но динамика революціи для либеральныхъ оппортунистовъ—книга за семью печатями. Декабрьское возстаніе не дало побѣды, слѣдовательно тактика революціи должна быть отвергнута. Эту позицію заняла руководящая въ либеральныхъ сферахъ группа, такъ называемая конституціонно-демократическая партія. Вся агитація кадетовъ за Думу и вокругъ Думы была рѣши-

тельно антиреволюціонной. Дума противопоставлялась „анархіи“, парламентскія пренія—революціонной борьбѣ.

Мы оставляемъ сейчасъ въ сторонѣ вопросъ, насколько цѣлесообразна была со стороны пролетаріата тактика бойкота Думы. Мы думаемъ, что она была нецѣлесообразна. Но она несомнѣнно имѣла свое *психологическое* оправданіе: во-первыхъ, въ настроеніи рабочихъ массъ послѣ декабрьскихъ событій, во-вторыхъ, въ антиреволюціонной агитаціи кадетовъ, корифеевъ избирательной кампаніи.

— Вы пробудили въ капиталистической оппозиціи классовыя чувства вашей безумной тактикой захватнаго восьмичасоваго рабочаго дня. Вы возстановили противъ себя конституціонную демократію вашей недостаточно мотивированной ноябрьской стачкой. Вы устроили въ декабрѣ трижды безумное возстаніе и обрушили на страну ужасы кровавыхъ репрессій. Дайте же мѣсто намъ, конституціоннымъ демократамъ. Не мѣшайте намъ собрать Думу. На конституціонномъ пути мы достигнемъ того, чего вы не могли достигнуть на вашемъ революціонномъ пути. Не мѣшайте намъ собрать Думу. Мы снимемъ бюрократію съ такой легкостью, которая всѣхъ поразитъ!

Разбитый, израненный пролетаріатъ не въ силахъ былъ развернуть широкую и рѣшительную агитаціонную кампанію. Наоборотъ, средніе слои населенія, пробужденные къ политической жизни шумомъ октябрьскихъ, ноябрьскихъ и декабрьскихъ событій и возмущенные разгуломъ декабрьской реакціи, голосовали за кадетовъ, потому что чувствовали потребность голосовать противъ самодержавія. Кадеты оказались въ Думѣ хозяевами положенія.

У насъ нѣтъ никакого желанія ни отрицать значеніе Думы, ни приуменьшать его. Но не нужно смѣшивать вопросъ объ объективномъ значеніи Думы съ вопросомъ о цѣнности тактики кадетовъ.

Дума оказала огромное вліяніе на отсталые слои народныхъ массъ—и притомъ не только крестьянскихъ и мѣщанскихъ, но и пролетарскихъ,—Дума, какъ учрежденіе, какъ временный центръ вниманія, какъ фокусъ разнообразныхъ надеждъ. Но внутри Думы усилія кадетовъ были направлены къ тому, чтобы свести революціонное значеніе Думы къ нулю. Они въ Думѣ угро-

жали—и наблюдали за игрой петергофскихъ физиономій. А ихъ угрозы, противъ ихъ воли, будили чувства достоинства и протеста въ самой униженной обывательской душѣ. Они, кадеты, пугались собственныхъ рѣчей, трусливо останавливаясь передъ неизбежными выводами, отрекались сегодня отъ того, что говорили вчера—все тщето: политическое эхо революціонной страны удесертило звучность ихъ робкихъ рѣчей, а ихъ уклончивость, ихъ трусость возстановляла противъ нихъ даже тѣхъ, которыхъ они же пробудили. Такимъ образомъ Дума толкала впередъ политическое сознаніе.

Тактика социалдемократіи въ думскій періодъ не могла по существу отличаться отъ ея тактики въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. Социалдемократія не могла стать на ту, якобы, конституціонную почву, которой въ дѣйствительности не было, которая существовала только въ воображеніи кадетовъ. Но, оставаясь на своей революціонной позиціи, социалдемократія не могла въ этотъ періодъ не сдѣлать Думу центромъ агитаціи. Кадеты надѣялись, что они такъ долго будутъ повторять будто Дума имѣетъ власть, что имъ, кадетамъ, наконецъ, повѣрятъ въ этомъ и передадутъ частицу власти. Социалдемократія не могла не обличать эту наивнѣйшую тактику, мнимая практичность которой состоитъ въ томъ, что она считается (да и то очень плохо) съ логикой Трепова и совершенно игнорируетъ логику революціи.

Социалдемократія не могла не видѣть, что вопросы революціи будутъ рѣшены не въ Думѣ и не Думой,—и она, вопреки требованіямъ кадетовъ, не могла это скрывать отъ народа. Забота объ *единствѣ* думскихъ рѣшеній никоимъ образомъ не могла связывать социалдемократію. Ея задача—единство *классовой борьбы*, единство *революціоннаго движенія*, но не единство думскихъ голосованій. Болѣе того, именно во имя единства революціонной борьбы, социалдемократія должна была вносить расколъ между правымъ и лѣвымъ крыломъ Думы. Для того, чтобы объединить всѣ пробужденные Думой слои вокругъ лозунговъ революціи, т. е. фактически вокругъ пролетаріата, социалдемократія не могла не вести въ Думѣ и главное, вокругъ Думы, совершенно самостоятельной политики, *противопоставляя* ограниченнымъ лозунгамъ кадетовъ тѣ радикальныя требованія, за которыя пролетаріатъ боролся въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

Соціалдемократія должна была координировать свою дѣятельность съ дѣятельностью Думы, но она не могла подчинить свои лозунги лозунгамъ Думы.

Соціалдемократія должна поддерживать Думу, требовали кадеты. Безспорно, отвѣчаемъ мы, но какъ? Единственная поддержка, которую она могла оказать, состоитъ въ томъ, чтобъ собирать вокругъ Думы вниманіе народныхъ массъ, договаривать то, чего не договорила Дума, подхватывать половинчатяя требованія Думы и придавать имъ революціонно-демократическій характеръ—и, такимъ образомъ, давать Думѣ возможность не только въ своей полемикѣ съ министрами, но и въ своей борьбѣ со старымъ политическимъ строемъ—опереться на народные массы. Въ какой мѣрѣ и какіе элементы Думы захотятъ и счумѣютъ воспользоваться этой возможностью,—это никогда не зависитъ отъ насъ. Если для того, чтобъ объединить всю Думу вокругъ демократическихъ лозунговъ, достаточно выказать хороший тонъ и тактъ, мы должны, конечно, постараться проявить хороший тонъ и тактъ. Но опытъ говоритъ, что этихъ качествъ совершенно недостаточно.

Дума въ лицѣ своего большинства естественно выдвинула требованіе кадетскаго министерства,—требованіе несомнѣнно прогрессивное и, если бы оно осуществилось, это пошло бы намъ только на пользу. Должна ли была соціалдемократія поддержать это требованіе? Конечно: соціалдемократія поддерживаетъ всѣ прогрессивныя требованія. Но какъ? Разумѣется, не голымъ повтореніемъ либеральныхъ лозунговъ; наша поддержка имѣетъ всегда болѣе сложный и болѣе обязывающій характеръ.

Трудность осуществленія кадетскаго министерства была не въ лицахъ, а въ программѣ. Ни Милюковъ, ни Муромцевъ, ни Петрункевичъ, ни Ковалевскій не могутъ быть приняты за вандаловъ даже въ Петергофѣ. Могъ бы еще возбудить сомнѣніе штутгартскій изгнанникъ, бывший революціонеръ Петръ Струве,—но онъ играетъ теперь въ политикѣ столь незамѣтную роль, что врядъ ли даже возникать вопросъ о врученіи ему портфеля. Въ крайнемъ случаѣ, его можно было бы назначить директоромъ публичной библіотеки или хранителемъ національныхъ музеевъ безъ обязательства являться ко двору.

Трудность, повторяемъ, была не въ лицахъ, а въ программѣ. Обновленіе Думы на основѣ всеобщихъ выборовъ, отчужденіе всѣхъ помѣщичьихъ земель, свобода прессы и собраній, судъ присяжныхъ по всѣмъ политическимъ дѣламъ—вотъ требованія, съ которыми Петергофъ не хотѣлъ мириться. Мы должны были развить вокругъ этихъ именно требованій, въ отчетливой демократической формѣ, самую широкую агитацію въ массахъ,—и такимъ образомъ, съ одной стороны, затруднить кадетамъ сдѣлку на какихъ нибудь мизерныхъ основаніяхъ, а съ другой стороны, дать имъ возможность опереться на народныя требованія въ своихъ переговорахъ съ Петергофомъ.

Но сдѣлать нашимъ прямымъ лозунгомъ призваніе къ власти думскаго, т. е. кадетскаго министерства, мы не могли,—ибо это значило бы взять на себя передъ рабочими массаами отвѣтственность за политику будущаго министерства.

Если сегодня мы требуемъ кадетскаго министерства только потому, что оно лучше горемыкинскаго, то не приведетъ ли насъ политическая логика къ тому, что завтра мы будемъ поддерживать *всѣ шаги* этого министерства—только для того, чтобы оно не уступило своего мѣста министерству Столыпина?

Такъ или иначе, Петергофъ оборвалъ переговоры, Столыпинъ разогналъ Думу и объявилъ Петербургъ на положеніи чрезвычайной охраны. Абсолютизмъ хочетъ отвоевать у исторіи свои „сто дней“.

Думскій періодъ революціи законченъ.

III.

2 декабря министерство Витте закрыло въ Петербургѣ 8 газетъ, а 3 декабря арестовало Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Либералы обвиняли насъ въ томъ, что мы своимъ агитаціоннымъ неистовствомъ вызвали реакцію и подкопали то, что сами создали. Мы обвиняли ихъ въ близорукости, доказывая имъ, что такая реакція была объективно неизбѣжна, а наше агитаціонное „неистовство“ диктовалось необходимостью подготовить массы къ этой неизбѣжной атакѣ. Либералы отвѣчали намъ, что мы хотимъ наши тактическія ошибки навязать исторіи.

Но вотъ либеральная Дума смѣнила рабочей Совѣтъ. Въ тактикѣ Думы не было и тѣни неистовства. Дума имѣла во главѣ своей безупречнаго цензора конституціонныхъ нравовъ, г. Муромцева, который съ непримѣримостью, достойной болѣе серьезнаго дѣла, поддерживалъ въ ней атмосферу парламентскаго гипноза. Статьи официальныхъ кадетскихъ газетъ писались не иначе, какъ въ бѣлыхъ перчаткахъ.

9 іюля министерство Столыпина закрыло 7 газетъ, разогнало Думу и ввело чрезвычайную охрану. Либеральные политики уклоняются отъ отвѣта на вопросъ: нужно ли искать причину этой новой атаки реакціи въ тактическихъ ошибкахъ кадетовъ или въ объективномъ развитіи политическихъ отношеній? Но если кадеты и сошлутся на объективное развитіе, мы имъ скажемъ: вы все-жѣ виноваты, ибо въ то время, какъ мы это объективное развитіе отношеній предвидѣли и на этомъ предвидѣніи приглашали васъ строить вашу тактику, вы оставались слѣпы или добровольно закрывали глаза.

Кадеты утверждали, что революціонная тактика исчерпала себя, что политическая борьба должна быть отнынѣ локализована въ стѣнахъ Думы. И вотъ, логика думской борьбы привела къ упраздненію Думы и поставила кадетовъ лицомъ къ лицу съ вопросами революціонной тактики.

Кадеты обвиняли насъ въ томъ, что вмѣсто реальной поддержки реально существующей Думы, мы готовимъ массы къ какому-то фантастическому „выступленію“. И вотъ, наканунѣ роспуска Думы кадетскій офиціозъ не нашелъ другого отвѣта предъ лицомъ напирившей реакціи, какъ пригрозить ей „трубными звуками“ народнаго возстанія.

Кадеты обвиняютъ насъ въ яacobинской попыткѣ подорвать государственные финансы. И вотъ, логикой политической борьбы они были вынуждены въ іюлѣ выпустить воззваніе, которое есть не что иное, какъ блѣдная копія „яacobинскаго“ манифеста, выпущеннаго нами въ декабрѣ.

Кадеты порицали нашъ методъ захвата правъ. Революціонной силѣ пролетаріата они противопоставляли нравственный авторитетъ націи, Рабочему Совѣту—Государственную Думу. И вотъ, въ то время какъ нашъ „финансовый“ манифестъ, подъ моральнымъ давленіемъ

Совѣта, напечатала вся либеральная пресса, — выборгское воззваніе, не смотря на весь авторитетъ Думы, появляется исключительно подпольнымъ путемъ. Это воззваніе печатается *мы*, партіи революціи, и примѣняемъ для этой цѣли тотъ самый методъ захвата, который кадеты такъ жестоко осудили.

Въ октябрѣ и ноябрѣ мы, опираясь на силу пролетариата, пользовались свободой прессы, собраній и союзовъ. Въ маѣ и іюнѣ Дума оказалась не въ силахъ обезпечить за нами эти права.

И, наконецъ, скажемъ мы, если декабрьская реакція въ своей бѣшенѣйшей попыткѣ возстановить всѣ утерянныя позиціи не снесла либеральной партіи съ ея собраніями и съ ея прессой, то это потому, что она встрѣтила революціонный пролетаріатъ на своемъ пути. Не думаютъ ли либералы, что реакція нашла бы въ самой себѣ сдерживающія начала, еслибы рабочіе не оказали ей мужественнаго сопротивленія? Не думаютъ ли кадеты, что правительство еще въ октябрѣ разочаровавшееся въ выгодахъ либеральной политики, угрождало бы себя созывомъ Государственной Думы, еслибъ въ декабрѣ пролетаріатъ снова не возсталъ противъ самодержавнаго режима?

Если правительство стояло въ нерѣшительности предъ Думой 2½ мѣсяца, то не потому, что его заворожила корректность г. Муромцева, а потому, что оно страшилось повторенія декабрьскихъ событій.

Мы утверждаемъ: Государственной Думы не было бы, еслибъ не было рабочаго Совѣта. Наоборотъ Дума оказалась не въ силахъ создать условія существованія не только для Совѣта, но и для самой себя.

IV.

Дума упразднена. Но не упразднена ни одна изъ тѣхъ огромныхъ задачъ, которыя собиралась разрѣшить Дума. Разгонъ Думы поставилъ вопросъ о путяхъ и методахъ дальнѣйшей борьбы. Если изъ предшествующаго сопоставленія нашей тактики и тактики кадетовъ слѣдуетъ какой нибудь выводъ, такъ это, надѣемся, тотъ, что ихъ тактику приходится мѣнять на нашу. Мы попрежнему опираемся на развитіе революціи и считаемъ,

что независимая политика пролетариата является самым могучим двигателем этого развития.

Въ манифестѣ своего декабрьскаго выступленія пролетариатъ поставилъ своей цѣлью—вырвать власть изъ рукъ бюрократической монархіи. Героическая попытка пролетариата разбилась о сопротивленіе арміи. Благодаря опыту Думы, задача декабрьскаго пролетарскаго возстанія стала теперь, въ той или иной степени, задачей народныхъ массъ. Какъ и въ декабрѣ, армія является непосредственнымъ препятствіемъ къ переходу власти въ руки народа; какъ и въ декабрѣ, вопросъ о настроеніи арміи долженъ быть поставленъ въ практической формѣ народнаго выступленія.

Такое выступленіе естественнѣе всего приурочить къ моменту распушенія Думы. Удаливъ народныхъ представителей изъ Таврическаго дворца, абсолютизмъ безпощадно раздавилъ иллюзію насчетъ мирнаго перехода власти къ народу путемъ конституціоннаго соглашенія. Онъ снова предсталъ предъ народомъ во всей своей отвратительной самодержавной наготѣ—и то отношеніе, которое онъ вызвалъ къ себѣ, лучше всего покрывается лассалевскими словами: „Рукой за горло его и колѣномъ на грудь!“

Крестьянскія массы вѣрили въ Думу, или, по крайней мѣрѣ, въ добрыя намѣренія трудовой группы. Разгонъ Думы является достаточнымъ поводомъ, чтобы попытаться ихъ поднять. Буржуазные элементы города оскорблены въ лицѣ конституціонныхъ демократовъ. Пролетариатъ не нуждался въ довѣрїи къ Думѣ, ибо его достаточно толкаетъ впередъ ненависть къ абсолютизму. Армія, сдерживаемая еще отчасти механизмомъ дисциплины, оказывается неизбѣжно въ замѣшательствѣ предъ властью, которая раздѣлилась на ся. Общественное возбужденіе достигло кульминаціи. Все это заставляетъ думать, что разгонъ Думы является наиболѣе благоприятнымъ моментомъ для того, чтобы снова поставить вопросъ: *на чьей сторонѣ армія?*

....На чьей сторонѣ армія? Написали мы, и послѣднія буквы этого вопроса намъ пришлось дописывать подъ отдаленные раскаты свеаборгской канонады....

Можно жалѣть, что Петербургъ, на который устремлены взоры всей страны, не взялъ на себя энергичной инициативы,—а во всякомъ случаѣ нельзя допустить,

чтобъ свеаборгское возстаніе осталось безъ отклика въ столицахъ, а, затѣмъ и провинціи.

Но разыграется ли борьба сейчасъ или же свеаборгское возстаніе будетъ подавлено и революція выберетъ другой пунктъ отправленія, — несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что мы снова стоимъ наканунѣ великихъ событий.

Подъ какимъ же лозунгомъ вступить ваша Партія въ бой?

Несомнѣнно, что центральнымъ лозунгомъ останется созывъ Учредительнаго Собранія—лозунгъ, который мы написали на знамени революціи, когда не существовало еще ни одной изъ нынѣшнихъ партій. Но въ сущности только теперь лозунгъ Учредительнаго Собранія получаетъ въ сознаниі народныхъ массъ свой истинный смыслъ.

Это уже не *требованіе*, обращенное къ капитулирующей монархіи,—это кличъ самочиннаго, революціоннаго провозглашенія народнаго суверенитета.

Въ рядахъ нашей партіи характеръ и содержаніе борьбы за Учр. С. ни для кого не можетъ составлять сомнѣнія. Но въ послѣдніе дни, послѣ разгона Думы и въ связи съ этимъ разгономъ, между двумя фракціями возобновился конфликтъ по вопросу о томъ, *къмъ* будетъ созвано Учр. С. Старой Г. Думой, говоритъ Ц. К. *Временнымъ революціоннымъ правительствомъ*, возражаетъ П. К.—Въ нѣсколькихъ словахъ мы остановимся на смыслѣ и глубинѣ этого разногласія. „Кто является, говоритъ письмо Ц. К. къ партійнымъ организаціямъ, или можетъ явиться въ настоящій моментъ въ глазахъ 140 миллионнаго народа естественнымъ *преемникомъ* государственной власти, *вырванной* изъ рукъ царскаго правительства“? И послѣ нѣкотораго анализа „Письмо“ отвѣчаетъ: „...сейчасъ въ народномъ сознаниі есть вполне естественный преемникъ государственной власти, это Г. Дума или тѣ остатки ея, которые, соединившись вмѣстѣ, могутъ объявить себя Государственной Думой“.

Такимъ образомъ „Письмо“ Ц. К. стоитъ на точкѣ зрѣнія революціоннаго развитія событий. Государственная власть вырывается изъ рукъ монархіи. Какъ вырываютъ власть, мы знаемъ: путемъ побѣдоноснаго возстанія. Государственная Дума беретъ въ свои руки эту

вырванную возстаніемъ власть. Чѣмъ же явится въ такомъ случаѣ сама Государственная Дума?

Прежде всего ясно, что она будетъ единственной властью въ странѣ—Дума будетъ *правительствомъ*. Не менѣе ясно, что власть этой Думы будетъ опираться не на положенія 6 августа—11 декабря, а на побѣдоносную революцію, которая разъ навсегда упразднитъ монархію. Другими словами, Дума будетъ *революціоннымъ* правительствомъ. Наконецъ, въ виду того, что главной задачей этой Думы будетъ созывъ Учредительнаго Собранія, она будетъ имѣть значеніе *временнаго* органа власти. Словомъ, въ той перспективѣ, какую рисуетъ „Письмо“ Ц. К., Дума оказывается ни чѣмъ инымъ, какъ *Временнымъ Революціоннымъ Правительствомъ*.

Такимъ образомъ, письмо Ц. К. признаетъ, что Учредительное Собраніе будетъ создано революціоннымъ правительствомъ. И если поставить вопросъ на эту почву, исчезаетъ возможность конфликта. Но мы вовсе не хотимъ за этой, чисто формальной позиціей укрыться отъ разсмотрѣнія вопроса по существу.

Дѣло въ томъ, что письмо Ц. К. не только признаетъ Временное Революціонное Правительство этапомъ къ Учредительному Собранію, но и ставитъ опредѣленную кандидатуру на роль Временнаго Правительства. Это кандидатура старой Государственной Думы.

Почему именно эта кандидатура? Конечно не потому, что Дума законно избрана на основаніи нормъ Булыгина-Витте. Также и не потому, что старая Дума правильно выражала интересы революціи, какъ ихъ понимаетъ наша партія, и въ частности, Ц. К. Почему же? Потому что старой Думѣ довѣряютъ нѣкоторые общественные классы. Итакъ, социалдемократія, партія пролетаріата, рекомендуетъ Думу на роль правительства не потому, что сама социалдемократія довѣряетъ этому потенциальному правительству, а потому, что ему довѣряютъ *другіе* общественные классы. Мы думаемъ, что социалдемократія возьметъ этимъ на себя совсѣмъ не свойственные ей хлопоты.

Въ самомъ дѣлѣ. Если Ц. К. правильно оцѣниваетъ отношеніе къ Думѣ широкихъ слоевъ населенія—крестьянства, демократическаго мѣщанства и либеральной буржуазіи, то, казалось бы, нужно предоставить инициативу партій *этихъ* классовъ выдвинуть лозунгъ „за Думу!“

Намъ же при такихъ условіяхъ нужно считаться съ Думой въ роли революціоннаго правительства какъ съ объективной неизбѣжною, или по меньшей мѣрѣ—вѣроятностію. Наша задача въ такомъ случаѣ состоитъ не въ томъ, чтобы со своей стороны выдвигать кандидатуру Думы и тѣмъ давать ей мандатъ революціоннаго довѣрія, а въ томъ, чтобы создать въ пролетаріатѣ организационную опору для давленія на революціонное буржуазное правительство, въ которое должна превратиться Дума.

Мы не станемъ останавливаться на вопросѣ, насколько кадетская дума пригодна къ роли революціоннаго правительства. Несомнѣнно, что если Дума не способна измѣнять ходъ революціонныхъ событій, то она способна сама измѣняться подъ вліяніемъ революціонныхъ событій. Если не вся Дума, то часть ея, или ея „остатки“, какъ выражается.

„Письмо Ц. К. Вполнѣ естественно, если петербургскій, московскій, варшавскій, виленскій, одесскій, рижскій... пролетаріатъ захочетъ въ этомъ „остаткамъ“ Думы присоединить своихъ представителей. И нужно думать, что у „Думы“ не будетъ ни желанія, ни, главное, возможности отказать ему въ этомъ. Можно сейчасъ не заниматься вопросомъ, насколько обновленная такимъ образомъ Дума будетъ похожа на старую муромцевскую Думу, какъ велики будутъ кадетскіе „остатки“ въ ея составѣ и въ какой мѣрѣ „Дума“ въ цѣломъ будетъ зависѣть отъ пролетаріата на другой день послѣ побѣдоноснаго возстанія.

Но если социалдемократія не имѣетъ права предлагать отъ себя массамъ кадетскую Думу для роли временнаго правительства, если социалдемократія вообще можетъ не заниматься сейчасъ предопредѣленіемъ состава временнаго правительства, то она должна и обязана дать массамъ программу его работъ. Ибо, каковы бы ни былъ составъ революціоннаго правительства, основной гарантіей смѣлой и послѣдовательной политики его можетъ явиться только активный контроль массъ, объединенныхъ вокругъ опредѣленной программы дѣйствій. Относительно такой программы у насъ не можетъ быть разногласій.

1. 8-часовой рабочій день.
2. Созданіе органовъ революціоннаго самоуправленія на мѣстахъ.
3. Милліція.

4. Созданіе революціонныхъ крестьянскихъ комитетовъ.

5. Созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго прямого и тайнаго избирательнаго права.

Каковъ бы ни былъ составъ революціоннаго правительства, эта программа сохраняетъ все свое значеніе. Соціалдемократія будетъ ее *проводить*, если она сама будетъ у власти. Соціалдемократія будетъ *требовать* ея проведенія отъ кадетовъ, если революціонная власть окажется въ ихъ рукахъ.

Главной опорой революціи, единственной опорой соціалдемократіи является пролетаріатъ. Необходимо, поэтому, организовать органъ его революціонной воли уже въ процессъ борьбы за власть. Такими органами могутъ быть:

1. *Советъ Рабочихъ Депутатовъ*—на мѣстахъ.

2. *Всероссійскій рабочій съездъ*.

3. *Всероссійскій Рабочій Советъ*, какъ постоянный органъ, созданный рабочимъ съездомъ.

Соціалдемократія ни на минуту не теряетъ своей партійной связи. Въ мѣстныхъ советахъ, на съѣздѣ и въ всероссійскомъ советѣ она выступаетъ, какъ единое цѣлое. Она руководитъ политикой пролетаріата и, слѣдовательно, остается во главѣ революціи.

V.

Мы исходили изъ предположенія, что власть вырвана изъ рукъ монархіи побѣдоноснымъ возстаніемъ. Въ этой перспективѣ „остатки“ Думы превратились у насъ во временное правительство.

Но есть другая перспектива: *это призывъ распуценой Думы раскаявшейся монархіей*. Этого хотятъ кадеты. „Рѣчь“ въ № отъ 19 іюля говоритъ: „Надо признаться, что при всей необычайности и странности этого требованія съ точки зрѣнія строго конституціонной (!), въ сущности, отмѣна указа 9-го іюля и восстановленіе депутатскихъ полномочій членовъ старой Думы было бы самымъ простымъ и практическимъ выходомъ изъ труднаго положенія, въ которое поставило себя правительство. Въ сущности, за указомъ этимъ, вслѣдствіе формальныхъ неправильностей, съ которыми онъ изданъ,

самый строгій юристъ могъ бы съ чистой совѣстью отрицать юридическую силу. На эту точку зрѣнія могла бы стать и Дума“.

Эти люди, какъ мы видѣли, не унываютъ: послѣ того, какъ разогнали Думу, въ которой они видѣли средство безболѣзненнаго обновленія страны, они нашли теперь новый „простой“ и практическій (!) выходъ изъ труднаго положенія. Не будемъ, однако, касаться ихъ аргументаціи. Poleмика недѣйствительна противъ нихъ: бичъ безсильно увязаетъ въ этой безформенной, тѣстообразной массѣ. Только громы небесные способны, можетъ быть, на время выбить изъ нихъ безсмысленныя фантазіи о „простыхъ и практическихъ выходахъ“ изъ сложнѣйшей революціонной ситуаціи.

Но остановимся на этой второй перспективѣ, независимо отъ кадетскихъ иллюзій. Можно допустить, что въ періодъ напряженной общенародной борьбы за власть, затравленная монархія сдѣлаетъ попытку соглашенія съ революціей и, въ концѣ концовъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что органомъ такого соглашенія она изберетъ разогнанную ею Думу.

Представляетъ ли этотъ путь какую нубудь опасность для революціи? Никакой. Наоборотъ, возвращеніе кадетской Думы при указанныхъ только что условіяхъ означало бы кадетское министерство, полную растерянность гражданскихъ и военныхъ властей, окончательное разложеніе арміи, могучее развитіе революціи, колоссальное сплоченіе народныхъ массъ вокругъ крайнихъ требованій, и въ результатѣ—революціонную ликвидацію стараго режима.

Должны ли мы въ такомъ случаѣ поддерживать требованіе кадетовъ, чтобъ ихъ снова призвали? Конечно: социалдемократія поддерживаетъ все, что способствуетъ революціи. Но *какъ* поддерживаетъ? Въ этомъ весь вопросъ.

Земская оппозиція всегда считала, что „самымъ простымъ и практическимъ“ средствомъ конституціоннаго преобразованія является созывъ представителей земствъ и думъ. Социалдемократія всегда считала, что такое земское представительство было бы для нашей страны огромнымъ шагомъ впередъ. Тѣмъ не менѣе поддержка социалдемократіи никакимъ образомъ не могла выразиться въ пропагандѣ среди массъ требованія Земскаго Собора.

Наоборотъ, социалдемократія энергично противопоставляла Земскому Собору—Учредительное Собрание и мобилизовала демократію вокругъ требованія всеобщаго голосованія. Такая поддержка оказалась наиболее дѣйствительной и ея результатомъ явилась Дума, выбранная на основаніяхъ, во всякомъ случаѣ несравненно болѣе широкихъ, чѣмъ это допускается земскимъ и думскимъ цензомъ. Есть ли у насъ основанія отступать отъ этой тактики теперь?

Наша тактика, разсчитанная на неудержимое развитіе революціи, не должна, разумѣется, игнорировать неизбежныя, или возможные, или хотя бы только вѣроятныя фазы и этапы революціоннаго движенія. Это бесспорно. Мы думаемъ, что именно эта мысль руководила Ц. Комитетомъ, когда онъ выдвигалъ лозунгъ: „за думское министерство!“ или когда онъ теперь говоритъ: „за думу!“ И тѣмъ не менѣе социалдемократія не можетъ принять этихъ лозунговъ.

Отдѣльные моменты революціи складываются въ результатъ пресѣченія разныхъ социальныхъ силъ. Кадетское министерство, реставрація кадетской Думы возможны, какъ сложный производный и притомъ преходящій результатъ политической игры нѣсколькихъ союзныхъ, конкурирующихъ и враждебныхъ силъ. Революціонный пролетаріатъ представляетъ собою одну изъ этихъ силъ, и его направленіе не можетъ, поэтому, совпадать съ направлениемъ всего революціоннаго развитія.

Мы можемъ и должны путемъ анализа уяснить себѣ вѣроятную *равнодѣйствующую* революціи. Мы должны принимать ее въ расчетъ. Но историческое движеніе пролетаріата будетъ всегда направлено *влѣво* отъ равнодѣйствующей. Если мы изъ соображеній мнимаго политическаго реализма захотимъ направить пролетаріатъ по равнодѣйствующей, мы этимъ измѣнимъ направленіе одной изъ слагающихъ силъ и тѣмъ самымъ отклонимъ равнодѣйствующую вправо. И тогда, чтобы достигнуть цѣли, намъ придется направляться по новой равнодѣйствующей и этимъ отклонять ее еще дальше вправо. Социалдемократія, проводящая такую тактику, была бы похожа на человѣка, который гоняется за своею тѣнью.

Напротивъ того, самостоятельная революціонная политика пролетаріата, ставящая себѣ радикальную цѣль, исполнѣ охватываетъ, какъ одинъ изъ возможныхъ эта-

повь, и реставрацію Думы. Мы вооружаемъ народныя массы приведенной выше программой, которую они предъявятъ къ Думѣ, какъ предъявили бы ее временному правительству. Дума—въ лицѣ той или другой своей части подчиняется этой программѣ и порываетъ съ монархіей, — или же Дума сама сносится потокомъ революціи.

Вооружить пролетаріатъ программой революціи. Организовать классовую волю пролетаріата. Сплотить партію въ широкихъ рамкахъ массовой пролетарской организаціи.— Вотъ задачи, воплощеніе которыхъ обезпечить за нами руководящую роль въ революціи.

Революція и ея силы.

I.

8 іюля нововременскій публицистъ Столыпинъ написалъ прокламацію къ русскому народу, которая за соотвѣтственной подписью появилась въ видѣ манифеста о роспускѣ Государственной Думы.

Послѣ того прошло три недѣли. За это время мы имѣли: закрытіе всѣхъ социалистическихъ, радикальныхъ и кадетскихъ газетъ; распушеніе всѣхъ рабочихъ профессиональныхъ организацій; безчисленные аресты и высылки; упраздненіе либеральныхъ клубовъ и комитетовъ; закрытіе типографій, издательствъ и книжныхъ магазиновъ. Это съ одной стороны. А съ другой военныя возстанія въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ, на крейсерѣ „Память Азова“, въ Дашлагарѣ, и массовыя забастовки въ Гельсингфорсѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Астрахани и другихъ мѣстахъ. Возстанія подавлены, забастовки не превратились во всеобщія и прекратились. Военно-полевые суды довершаютъ правительственную побѣду. Полицейскій терроръ царитъ неограниченно. Онъ дополняется терроромъ судебныхъ палатъ, ревность которыхъ подогрѣта безстыднымъ циркуляромъ Шеглякова. Составлено министерство изъ канцелярскихъ персонажей, которымъ нечего терять. Государс-

10688901

твенная рента стоитъ приблизительно на томъ-же уровнѣ, какъ и во время думской сессіи.

Что кадетская политика печальнаго обновленія государства черезъ Думу потерпѣла крушеніе, это ясно прежде всего для самихъ кадетовъ, которые съ почти-правительственныхъ высотъ низринуты на уровень полулегальной группы, безъ печати, безъ организациі, безъ арміи.

Но не потерпѣла ли крушеніе также и тактика революціи, которая выступила на смѣну сейчасъ послѣ разгона Думы. „Россія“ и „Новое Время“ громко кричатъ о побѣдѣ правительства надъ революціей. Что правительство побѣдило возстаніе,—это несомнѣнно. Но точно ли оно подавило революцію?

Правительство побѣдило народъ 9 января; худо ли хорошо ли, оно справилось съ возстаніемъ Черноморскаго флота въ маѣ прошлаго года; въ октябрѣ правительство, правда, не одержало побѣды, но и само оно не было побѣждено,—оно просто уклонилось отъ сраженія, обѣщавъ серьезныя уступки. Далѣе оно побѣдило военное возстаніе въ Кронштадтѣ и Севастополѣ, и, наконецъ, въ декабрѣ оно одержало побѣду въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири, въ Москвѣ. Уже одинъ этотъ длинный перечень показываетъ, что побѣдить возстаніе не значитъ подавить революцію.

Эти соображенія касаются, однако, лишь военныхъ возстаній. Но не въ нихъ центръ вопроса. Почему не поднялся пролетаріатъ Петербурга, Москвы и провинціи съ такой всеобщностью, какъ въ октябрѣ, съ такой рѣшительностью, какъ въ декабрѣ? Чѣмъ объяснить неудачу послѣдней забастовки?

Публицисты реакціи увѣряютъ, что народъ усталъ отъ смуты, вслѣдствіе этого агитаторы оказываются все болѣе и болѣе отрѣзанными отъ массъ. Съ этой точки зрѣнія дѣло изображается такъ, что революція уже прошла черезъ свою кульминацію и теперь направляется къ уклону. Подобное предположеніе вытекаетъ изъ того полицейскаго идеализма, который полагаетъ, что революція есть продуктъ временнаго настроенія, которое въ свою очередь создается агитаторами. На самомъ же дѣлѣ революціонное настроеніе массъ представляетъ лишь продуктъ революціонныхъ потребностей социальнаго развитія. Одна „усталость“ не способна создать порядка;

она можетъ создать затишье, вызвать отливъ революціи, но не можетъ примирить націю съ условіями, мѣшающими ея существованію и развитію. Всякое напряженіе силъ при работѣ вызываетъ въ пролетаріатѣ и въ крестьянствѣ великую усталость,—но ни тотъ, ни другое не прерываютъ своихъ функций; ибо ихъ вынуждаетъ къ труду объективная необходимость. Такая же объективная необходимость толкаетъ массы на революціонный путь. Пока не удовлетворены минимальныя потребности классового существованія, усталость не можетъ создать успокоенія.

Но объ удовлетвореніи элементарнѣйшихъ классовыхъ потребностей пролетаріата не можетъ быть и рѣчи. Правда январскія и февральскія стачки 1905 года дали рабочимъ цѣлый рядъ экономическихъ завоеваній; но усилившееся съ мая и особенно октября организованное сопротивленіе капитала свело многія изъ этихъ завоеваній на нѣтъ. Благодаря общему хозяйственному кризису въ странѣ, резервная армія непрерывно растетъ. Безработные въ свою очередь ухудшаютъ положеніе работающихъ.

Но если условія *существованія* не улучшились, то условія *классовой борьбы* крайне ухудшились.

Политическія организаціи и социалистическая пресса закрыты. Распущены профессиональныя организаціи. Призывъ къ стачечной борьбѣ карается самыми бѣшенными репрессіями. А между тѣмъ именно невозможность элементарной классовой борьбы въ рамкахъ абсолютизма и толкнула рабочихъ впервые на путь революціи.

Такимъ образомъ неоспоримыя данныя говорятъ, что дальнѣйшее участіе пролетаріата въ революціи обезпечено.

Что касается крестьянства, то его участіе въ революціи, выражавшееся въ аграрныхъ беспорядкахъ, имѣло въ большинствѣ чисто стихійный характеръ. Можно быть разнаго мнѣнія о томъ, какого уровня достигло *политическое сознаніе* деревни. Но сейчасъ передъ нами другой вопросъ: способно ли крестьянство стать на данной стадіи революціоннаго развитія опорой порядка? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ отрицательно.

Политическая идеологія вообще не способна сдѣлать революціоннымъ цѣлымъ общественный классъ; тѣмъ справедливѣе это въ примѣненіи къ крестьянству, въ жизни

котораго идеологія играетъ минимальную роль. Если крестьянство оказалось втянуто въ революціонное движеніе, значить для этого имѣются достаточныя матеріальныя основанія въ положеніи крестьянства. Эти основанія — не только сословно-крѣпостнической гнѣть и малоземелье, какъ хотятъ думать социалисты-революціонеры, но и всѣ тѣ противорѣчія, въ какія попадаетъ самостоятельный мелкій производитель въ капиталистическомъ обществѣ. Другими словами, крестьянство страдаетъ не только отъ патріархальной азіатчины, препятствующей капиталистическому развитію, но и отъ самого капитализма. Тѣмъ хуже для патріархальной азіатчины! Ибо недовольство, которое исходитъ изъ всѣхъ этихъ противорѣчій, должно опрокинуться на непосредственнаго врага: дворянско-помѣщичье государство. Лозунгъ: *земля и воля*, романтически привлекательный и романтически неопредѣленный, вовсе не исчерпываетъ дѣйствительныхъ потребностей аграрнаго развитія. Но все равно! Этотъ лозунгъ имѣетъ исторически преходящія права на популярность уже потому, что онъ устраняетъ сейчасъ сложныя проблемы хозяйственнаго развитія, которыя останутся и послѣ гибели абсолютизма, и позволяетъ объобщить въ краткой формулѣ возмущеніе еще не раскрѣпощеннаго раба, возстаніе закабаленнаго государствомъ тяглеца и острый протестъ придушеннаго капиталистическимъ оборотомъ мелкаго производителя.

Реакція утѣшаетъ себя слухами о томъ, что гдѣ-то мужики прибили своего депутата. Но еслибъ государственно-полицейская мысль способна была къ серьезному анализу отношеній, она задумалась бы надъ вопросамъ: устранено ли хоть одно изъ тѣхъ условій, которыя толкаютъ крестьянство на революціонный путь?

Въ надеждахъ и ожиданіяхъ и требованіяхъ крестьянства много иллюзорнаго и фантастическаго. Но мужицкія иллюзіи не могутъ быть разсѣяны посредствомъ правительственныхъ сообщеній. Пока не будутъ осуществлены культурно-правовыя и культурно-хозяйственныя потребности крестьянства, пока крестьянство не изживетъ въ революціонной борьбѣ своихъ иллюзіи, оно не сможетъ стать опорой порядка. Но элементарныя потребности деревни такъ велики, противорѣчія аграрнаго развитія такъ глубоки, иллюзіи крестьянство такъ огромны, что революціонное кипеніе де-

ревни будетъ еще длиться неопредѣленно долгое время.

Выше мы сказали, что движеніе крестьянства носить стихійный характеръ. Нужно, однако, помнить, что у крестьянина есть не только предразсудокъ, но и разсудокъ.

Политическіе конфликты, въ которые замѣшаны его кровные интересы, не могутъ проходить для него безслѣдно. Можно быть разнаго мнѣнія насчетъ того, въ какой мѣрѣ крестьяне вѣрили только *трудоваго* группѣ и въ какой полагались на *всю* Думу. Но фактъ тотъ, что правительство разогнало Думу прежде, чѣмъ успѣла вскрыться буржуазная скаредность кадетскихъ Граковъ и аграрно-уравнительныя иллюзіи трудовиковъ. Земельная реформа не успѣла еще развернуть своихъ внутреннихъ противорѣчій, какъ правительство уже разогнало реформаторовъ. Выводъ, который изъ этого факта неизбежно должна сдѣлать крестьянская мысль, никоимъ образомъ не можетъ служить дѣлу самодержавнаго порядка: правительство какъ врагъ, впервые открыто предстало предъ мужикомъ въ своемъ концентрированномъ видѣ.

Можетъ быть какая-нибудь группа мужиковъ почему-нибудь и избрала депутата*). Но вообще говоря крестьянство никоимъ образомъ не можетъ чувствовать себя „уставшим“ отъ революціи, такъ какъ оно къ ней еще въ сущности и не приступило. Революціонная борьба крестьянства еще вся въ будущемъ.

II.

Крупная торгово-промышленная буржуазія не заинтересована въ демократическомъ режимѣ. Наоборотъ, съ сильной монархической властью ее связываютъ не только историческія воспоминанія, но и заботы о будущемъ. То, что ей необходимо, это не политическая демократія, а либеральный гражданскій режимъ. Свобода передвиженія, относительная гласность, приблизительное равенство передъ судомъ, контроль надъ финансовымъ хозяйствомъ бюрократіи—вотъ что нужно для того, чтобы товарный и денежный рынокъ чувствовалъ себя въ равновѣсіи. Лишь убѣдившись, что все это совершенно недостижимо безъ народнаго представительства, торгово-промышленная буржуазія стала конституціонной и полу-

*) Какъ теперь стало извѣстнымъ бывш. деп. Стежинокъ былъ избитъ своими избирателями за упорное нежеланіе дать отчетъ о работѣ Думы, котораго отъ него требовали.

конституціонной. Моментъ ея либеральнаго „порыва“ приходится на первыя мѣсяцы прошлаго года, подъ прямымъ воздѣйствіемъ 9 января и дальнѣйшихъ стачекъ.

Но уже въ маѣ подъ вліяніемъ непрерывной стачечной эпидеміи, дезорганизующей торгово-промышленную жизнь, крупная буржуазія выдвигаетъ въ своей программѣ на первый планъ такія требованія, которые должны обезпечить свободу и непрерывность капиталистической эксплуатаціи: „свобода труда“, т. е. неприкосновенность штрейкбрехерства, свобода отъ уплаты за время стачки, т. е. сложеніе съ себя даже и денежныхъ издержекъ по революціи и т. д. Манифестъ 17 октября не только удовлетворялъ всѣ чаянія либеральнаго капитала, но и превышалъ ихъ. А между тѣмъ требованія пролетаріата становились все болѣе и болѣе „безмѣрными“. Дальнѣйшее развитіе революціи стало означать не только непосредственную дезорганизацію хозяйства *въ настоящее время*, но и величайшія опасности *въ будущемъ*. Перспектива финансовыхъ напряженій, связанныхъ съ побѣдой революціи, пугаетъ крупную буржуазію больше, чѣмъ финансовое хищничество бюрократіи. Буржуазія становится рѣзко консервативной, требуетъ порядка во чтобы то ни стало, и въ Москвѣ поддерживаетъ Дубавскія неистовства надъ пролетаріатомъ. Такимъ образомъ, классъ, который принималъ наименьшее участіе въ политической борьбѣ, чувствуетъ себя наиболѣе „усталымъ“ отъ нея.

Либерализмъ помѣщичьяго землевладѣнія у насъ старѣе чисто капиталистическаго либерализма, но немногимъ стойче его. Идеи демократіи были всегда безконечно чужды земской оппозиціи. Либеральные помѣщики считали себя представителями *народныхъ* нуждъ, такъ какъ отстаивали интересы „деревни“, вѣрнѣе интересы землевладѣнія, противъ центральной бюрократіи, которая на счетъ крестьянства поддерживала индустрію. Конституціонный контроль надъ бюрократіей долженъ былъ по ихъ замыслу, противодействовать грюндерству за государственный счетъ и вообще неумѣренному протекціонизму. Бюрократическимъ выскочкамъ и временщикамъ были-бы противопоставлены вліятельные мѣстные люди, которые сѣмѣли-бы провести каналы между фискомъ и нуждами землевладѣнія. Считая себя прирожденными представителями крестьянскихъ интересовъ, либеральные земцы

никогда не думали о политической самостоятельности крестьянства и не ожидали ее. Тѣмъ менѣе—революціонной самостоятельности. Если революціонныя выступленія пролетаріата подѣйствовали ободряющимъ образомъ на золотушный земскій либерализмъ, то аграрныя волненія, наоборотъ, сразу отбросили земцевъ вправо. Расширеніе и углубленіе крестьянской борьбы за „землю и волю“ окончательно убиваетъ земскій либерализмъ. Помѣщикъ становится не „кадетомъ“ а „юнкеромъ“.

Это неотвратимый процессъ. Никакія ухищренія тактики, никакая изысканность политическаго „такта“ не сможетъ его остановить. Классъ торговопромышленной прибыли, какъ и классъ земельной ренты вполнѣ готовы были бы стать партией государственнаго порядка... еслибъ этотъ порядокъ былъ возможенъ, на такъ какъ во время приливовъ революціи всѣ позиціи захватываются социалистическими или либеральными партіями, а во время отливовъ—поле переходитъ къ государственной власти, воплощающей безпощадную репрессию, то партія порядка пока совершенно лишена возможности собрать и построить свои ряды.

III.

Между пролетаріатомъ и крупной буржуазіей пролегалъ широкій разношерстный классъ мѣщанства. Сюда входять владѣльцы ремесленныхъ заведеній, мелкіе лавочники, служащіе, представители либеральныхъ профессій и низы бюрократіи.

Наше ремесленное сословіе ничтожно какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Иммигрировавшій капиталъ овладѣлъ безъ борьбы главными отраслями промышленности. Ничего похожего на могучую демократію цеховъ и гильдій наши города не знали и не знаютъ.

Почти задушенное капиталомъ, угнетенное полиціей, живущее варварской эксплуатаціей ученическаго труда, темное и невѣжественное ремесленное и торговое сословіе всегда питалось шовинистическими идеями, держалось активнаго антисемитизма, поставляя изъ своей среды погромщиковъ и пр. Но тѣ безысходныя противорѣчія, въ которыхъ бьется ремесло и мелкая торговля, должны заставить мѣщанское сословіе вступить на путь активной

борьбы и придать своимъ социальнo-утопическимъ надеждамъ форму революціонныхъ иллюзіи, какъ прежде онѣ облекались въ форму иллюзіи націоналистическихъ. Уже во время выборовъ въ Думу городское мѣщанство въ значительной своей части проявило свою оппозиціонность, голосуя за кадетовъ, какъ за партію „народной свободы“. Крахъ Думы не могъ пройти для него безплодно.

Дѣятельность центральной администраціи протекаетъ на ихъ глазахъ. Сосѣдство промышленнаго пролетаріата не можетъ оставаться безъ вліянія. Не приходится преувеличивать политическую роль русскаго мѣщанства, но можно утверждать съ увѣренностью, что въ рѣшительную минуту городскіе низы будутъ на сторонѣ рабочихъ.

Другая часть мѣщанства, интеллигенція, несомнѣнно стоитъ на сторонѣ революціи. Она, правда, не хочетъ окончательно отказаться отъ надеждъ на „мирное обновленіе“, но успѣхи революціи тѣмъ не менѣе радуютъ ее, побѣды реакціи огорчаютъ. Публичныя права, свобода печати и ассоціацій, политическая демократія являются для нея желательными условіями существованія: они общаются ей независимость, вліяніе, довольство.

Закабаленная государствомъ и капиталомъ она враждебна имъ, но въ тоже время и безсильна противъ нихъ. Въ октябрѣ инженеры могли активно поддержать забастовку, пользуясь тѣмъ, что капиталъ на половину почувствовалъ ей, на половину былъ застигнутъ ею врасплохъ. Но въ ноябрѣ и декабрѣ, когда капиталъ вмѣстѣ съ правительствомъ противопоставилъ политической забастовкѣ организованное сопротивление, состоящая на службѣ капитала интеллигенція уже не могла поддерживать стачечниковъ. Ея радикальные взгляды остаются при ней. Во время выборовъ она можетъ голосовать за самихъ крайнихъ. Но въ политическихъ дѣйствіяхъ ей отказано. Тоже самое относится къ радикальному третьему элементу земствъ и думъ и въ еще большей мѣрѣ, къ оппозиціонно настроеннымъ низамъ бюрократіи. Торгово-промышленная буржуазія могла бы цѣликомъ присоединиться къ революціи Витте-Дурново: „занятіе политикой и принадлежность къ партіи не должны ни въ чемъ препятствовать честному по долгу присяги исполненію служебныхъ обязанностей“.

Еще Успенский охарактеризовал противорѣчіе въ положеніи интеллигенціи какъ „благородство мыслей“ при „дармоѣдство поступковъ“. Въ иной формѣ оно существуетъ и сейчасъ.---Всѣ эти элементы поддержать революцію, когда она будетъ близка къ побѣдѣ, но они готовы умыть руки при каждой ея неудачѣ. О самостоятельной инициативѣ съ ихъ стороны говорить совершенно не приходится.

И такъ, прежде чѣмъ воцариться въ русской землѣ, порядокъ долженъ преодолѣть классовую энергію пролетаріата и сословно-классовыя страсти крестьянства. На ряду съ этими двумя силами революціи можно почти не упоминать о городскомъ мѣщанствѣ съ его малоопредѣлившейся физиономіей и объ интеллигенціи, съ ея революціонными симпатіями и ея безсиліемъ. Мы не знаемъ, какой секретъ открыла реакція для преодоленія натиска революціоннаго пролетаріата и крестьянства. Но въ томъ, что эти классы не успокоились и не „устали“ отъ смуты, что ихъ революціонную энергію еще только нужно преодолѣть, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если даже стоять на той точкѣ зрѣнія, что русская революція не имѣетъ передъ собою болѣе широкихъ перспективъ, чѣмъ союзное господство монархіи, крупной буржуазіи и земельныхъ собственниковъ на основѣ „порядка“ то и тогда необходимо признать, что путь къ этой конституціонной идилліи отнюдь не похожъ на прямую линію. Предстоитъ еще могучее развитіе классовыхъ антогонизмовъ, которое, какъ бы оно не закончилось, долго не дастъ установиться прочному буржуазному порядку.

Отъ этихъ общихъ соображеній мы снова возвращаемся къ вопросу о неудачѣ июльскаго выступленія. Фактъ тотъ, что стачка не стала всеобщей. Событія не только не превзошли октябрьскихъ, но и далеко не поднялись до ихъ уровня.

Необходимо признать, что стачка исчерпала себя, какъ самодавлѣющее, непосредственно-боевое средство революціи. Въ октябрѣ она дала прямой политическій результатъ. Въ ноябрѣ она превратилась въ манифестацію сочувствія. Въ декабрѣ она лишь создала почву для частичныхъ возстаній.

Въ сознаниі пролетаріата, или по крайней мѣрѣ его руководящихъ слоевъ, политическая стачка въ настоящее время играетъ роль пролога къ болѣе рѣшительнымъ событіямъ. Но для того, чтобъ эти событія могли развиваться, стачка должна стать всеобщей. Въ свою очередь всеобщность стачки зависитъ отъ поведенія желѣзныхъ дорогъ и телеграфа. Правительство знаетъ это и при каждой новой грозѣ устремляетъ главныя карательныя силы и средства на центральные узлы желѣзныхъ дорогъ. Это, конечно, не исключаетъ *возможности* желѣзнодорожной забастовки, но это крайнѣ затрудняетъ *иниціативу* желѣзно-дорожныхъ рабочихъ и служащихъ. Они уже не могутъ первыми вступать въ борьбу; ихъ позиція становится поневолѣ выжидательной. Это въ свою очередь дѣлаетъ все болѣе и болѣе затруднительной всеобщую политическую забастовку. А между тѣмъ военныя возстанія, не связанныя непосредственно съ массовыми пролетарскими выступленіями, вызывающими полную дезорганизацию правительственнаго механизма, неизбѣжно терпятъ крушенія. Такимъ образомъ получается впечатленіе, что революція забила въ тупикъ. Но точно такое же положеніе создавалось въ концѣ каждаго періода революцій, передъ каждымъ новымъ расширеніемъ ея базы и новымъ обогащеніемъ ея методовъ. Революціонная стихія въ лицѣ деревни должна вступить въ свои права, для того, чтобы организованная революція въ лицѣ пролетаріата могла нанести врагу рѣшающій ударъ.

Можно строить разныя предположенія о томъ, какъ сложились бы событія, еслибъ стачка была объявлена сейчасъ же послѣ распушенія Думы, еслибъ военныя возстанія въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ разрѣшились во время забастовки въ Петербургѣ. Но задача не въ томъ, чтобъ строить предположенія заднимъ числомъ, а въ томъ, чтобъ ориентироваться въ фактахъ, какъ они есть.

Какъ періодъ рабочихъ Совѣтовъ прошелъ подъ знаменемъ 8-часового рабочаго дня и республики, такъ думскій періодъ прошелъ подъ знаменемъ *земли и воли*. Дума не сказала рабочимъ ничего такого, чего бы они не слышали изъ другого источника—въ болѣе рѣшительной, прямой и категорической формѣ. Наоборотъ, на крестьянство Дума должна была оказать огромное вліяніе. Ея адресъ, выступленія трудовиковъ, правительственное сообщеніе по земельному вопросу, кадетское сообщеніе

съ призывомъ сидѣть спокойно и надѣяться на Думу, наконецъ разгонъ Думы и выборгское возваніе—все это должно было подготовить почву для повсемѣстнаго возстанія крестьянъ. Вѣсть о разгонѣ Думы усваивается деревней только теперь. Выборгское возваніе распространяется въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Не смотря на его робкій, ограниченный характеръ, оно должно толкнуть крестьянство на дѣйствія, которыхъ не предвидѣли и не хотѣли его главные авторы, кадеты.

Революціонныя организаціи, работающіе въ деревнѣ, помогутъ крестьянству сдѣлать изъ думскаго возванія надлежащіе выводы.

Изъ всего этого слѣдуетъ:

Если правильны были наши предположенія относительно неизбѣжности революціонной ликвидаціи аграрнаго варварства, если вѣрны наши наблюденія, показывающія, что русскій мужикъ способенъ не только пассивно вымирать, но и активно бороться за существованіе; если о чемъ-нибудь свидѣтельствуютъ всѣ предшествующія аграрныя волненія; если настроеніе деревни характеризуется настроеніемъ ея депутатовъ; если, наконецъ, вѣрно наше пониманіе общаго хода революціи, то именно теперь насталь моментъ, когда движеніе крестьянства должно принять широкіе размѣры и создать благопріятный моментъ для новаго побѣдоноснаго выступленія городскихъ рабочихъ массъ.

V.

Пролетаріатъ сдѣлалъ попытку отвѣтить на разгонъ Думы. Онъ не встрѣтилъ поддержки. Буржуазія и слышать не хотѣла объ активной защитѣ Думы, которая буржуазіи была, конечно, ближе, чѣмъ пролетаріату. Московская городская дума приняла цѣлый рядъ административно-полицейскихъ мѣръ для подавленія стачки пролетаріата. Интеллигенція—третій элементъ, инженеры—совершенно лишена была на этотъ разъ возможности активно проявить свое сочувствіе выступленію пролетаріата. Деревня еще не успѣла подняться. И пролетаріатъ отступить, такъ какъ изолированно демонстрировать свою ненависть къ абсолютизму онъ не имѣетъ ни нужды, ни желанія.

Въ ближайшіе мѣсяцы—можетъ быть только недѣли—тактика социалдемократіи принимаетъ по необходимости выжидательный характеръ. Каждый крупный этапъ революціи показываетъ намъ, что мы не создаемъ событій, не вызываемъ ихъ по нашему произволу. Событія развиваются стихійно. Это яснѣе всего видитъ та партія, которая въ этихъ событіяхъ принимаетъ наиболѣе активное участіе. Надъ нашимъ „преклоненіемъ предъ стихіей“ могутъ издѣваться какіе нибудь заштатные кадеты „Нашей жизни“, которые молчаливо отсиживаются отъ революціонныхъ событій, когда они развиваются и критически брюзжать противъ нихъ, когда они совершились. Сила социалдемократіи состоитъ въ томъ, что она предвидитъ событія и на этомъ предвидѣніи строитъ свою тактику.

Безъ массоваго выступленія крестьянства событія не пойдутъ впередъ. Только длительное возстаніе деревни создастъ благоприятныя условія для выступленія городскихъ рабочихъ массъ. Сейчасъ невозможна стачка желѣзныхъ дорогъ и телеграфа по инициативѣ центральныхъ узловъ; при массовомъ возстаніи крестьянства поѣзда не смогутъ двигаться, такъ какъ не найдутъ рельсовъ, телеграммы не будутъ передаваться, такъ какъ не окажется проволоки. Стихійное возстаніе деревни, для котораго предшествующее развитіе подготовило всѣ необходимыя предпосылки, совершенно парализуетъ дѣятельность государства. Пролетаріатъ сѣмѣтъ опереться на возстаніе деревни,—и въ городахъ, въ этихъ центрахъ политической жизни, онъ сѣмѣтъ закончить то дѣло, которое онъ сѣмѣлъ начать. Опираясь на крестьянскую стихію и руководя ею, пролетаріатъ не только нанесетъ послѣдній побѣдоносный ударъ реакціи, но и сѣмѣтъ закрѣпить за собою побѣду революціи.

VI.

Было бы излишнимъ здѣсь говорить, что въ предвидѣніи новаго революціоннаго подъема Партія продолжаетъ свою „будничную“ работу, хотя слишкомъ ясно, что подпольная организація, дѣйствующая подпольными средствами, не можетъ сосредоточить на себѣ вниманіе массы, успѣвшей привыкнуть къ ежедневной социалистической газетѣ и многотысячнымъ митингамъ. Несомнѣнно,

однако, что нынѣшній режимъ долго длиться не можетъ. Тѣ причины, которыя заставили Столыпина сейчасъ-же послѣ распущенія думы объявить программу либеральныхъ реформъ и вступить въ переговоры съ такъ называемыми „общественными дѣятелями“, могутъ побудить правительство, особенно при развитіи революціоннаго движенія въ деревнѣ, назначить новые выборы въ Думу на Сентябрь или Октябрь. А такая мѣра не можетъ не сопровождаться общимъ смягченіемъ режима. Конечно, новая Дума можетъ быть сорвана революціоннымъ возстаніемъ конца 1906 г., какъ булыгинская дума была сорвана стачечнымъ возстаніемъ 1903 г. Но для того, чтобы ориентироваться въ теперешнихъ политическихъ группировкахъ, предположимъ, что второй думѣ, избранной на тѣхъ же началахъ, какъ и первая, удастся собраться въ Таврическомъ Дворцѣ. Каковъ можетъ оказаться ея составъ?

Прежде всего весьма вѣроятно, что правое крыло Думы, въ лицѣ „партіи мирнаго обновленія“ и союза 17 октября, окажется многочисленнѣе и сплоченнѣе, чѣмъ въ первой Думѣ, въ пользу этого предположенія говорить рѣзко опредѣлившееся консервативное настроеніе имущихъ классовъ. Партія демократическихъ реформъ и земское крыло конституціонныхъ демократовъ отойдетъ направо, въ сторону партіи мирнаго обновленія. Насколько можно судить по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ этомъ направленіи ведутся переговоры. Конечно, г. Струве принимаетъ въ нихъ участіе.—Другое крыло кадетовъ, опирающееся на крестьянскіе голоса, на городское мѣщанство и интеллигенцію, отодвинется влѣво; за это ручается опытъ первой думы въ связи съ общимъ развитіемъ революціи. Группа трудовиковъ будетъ болѣе опредѣлена и рѣшительна. Вмѣстѣ съ лѣвымъ крыломъ расколовшихся кадетовъ она составитъ думское большинство. Такимъ образомъ, несмотря на увеличеніе числа правыхъ, вторая дума по своему общему характеру должна быть несомнѣнно болѣе радикальна, чѣмъ первая Дума.

Войдетъ ли въ Думу социалдемократія? Приметъ ли она участіе въ борьбѣ?

Непремѣнно!

Мы уже говорили, что считаемъ бойкотъ первой Думы ошибкой, имѣющей свое психологическое оправданіе въ

томъ, что выборы происходили непосредственно послѣ декабрьскаго разгрома. Но повтореніе бойкота было бы уже ошибкой *непростительной*.

Выше мы выразили предположеніе, что большинство второй Думы будетъ болѣе радикально, чѣмъ кадетское большинство первой Думы. Неизбѣжное противодѣйствіе правительства и систематическая оппозиція праваго крыла будутъ толкать думское большинство еще болѣе влѣво; но идти влѣво значить не на словахъ, а на дѣлѣ искать опоры въ революціонныхъ массахъ. А при такихъ условіяхъ социалдемократическое представительство въ Думѣ, какъ бы малочисленно оно ни было, сможетъ сыграть крупную роль. Конечно, историческая тяжба рѣшиться не въ Думѣ и не средствами парламентской трибуны. Но при извѣстныхъ условіяхъ вторая Дума можетъ сыграть крупную революціонную роль.

Само собою разумѣется, что все сказанное о будущей Думѣ имѣетъ условный характеръ, такъ такъ предполагаетъ, что выборы будутъ произведены на старыхъ основахъ 6 августа—11 декабря, и при такой же приблизительно полицейской обстановкѣ, какъ и первые выборы. Но возможно, что выборы будутъ обставлены всѣми безпощадными гарантіями Столыпинскаго либерализма, въ результатѣ которыхъ вторая Дума окажется консервативной. Въ такомъ случаѣ сомнительно, удастся ли дѣйствительнымъ представителямъ рабочихъ проникнуть въ Думу, и если удастся, не окажутся ли они тамъ обречены на полное безсиліе? Не вдаваясь въ политическія гаданія, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить одно: уйти изъ Думы всегда легче, чѣмъ войти въ Думу.

Два слова въ заключеніе. Наша статья была написана, когда мы прочитали статью т. Винницкаго въ № 5 „Наше Слово“, издающагося въ Вильнѣ. Выводы т. Винницкаго всецѣло совпадаютъ съ нашими,—а насколько можно заключить изъ другихъ статей журнала т. Винницкій формулируетъ общую точку зрѣнія „Бунда“.

Вотъ эта точка зрѣнія.

1. „Бойкотная тактика проводилась *послѣ* декабря, но зарождалась и складывалась она въ до декабрьскую эпоху; она перекинулась въ январь въ силу своего рода политической инерціи, съ разгону, какъ заключительный аккордъ осенней симфоніи. Но уже въ тотъ моментъ,

когда она проводилась, она была объективно устарѣвшей. По этому она и не имѣла внѣшняго успѣха“.

2. „Отъ декабрьскаго метода социалдемократія не отказывается и не сможетъ отказаться. Но она должна взять его болѣе широко. Вѣра въ революцію не пошатнулась. Но пошатнулась вѣра въ чисто-городскую революцію. *Вопросъ о деревнѣ выдвинулся на первый планъ*„.

3. „Наиболѣе характернымъ для настоящаго момента является *выжидательное настроеніе*. Повинуясь ему, революціонныя организаціи обратились къ рабочей массѣ со словомъ предупрежденія... Въ сущности рабочіе врядъ ли и нуждались въ этомъ предостереженіи. Они и сами склонны выжидать. Они *ждутъ, что скажетъ деревня*, ждутъ и готовятся.“

Цитированная статья доставила намъ двойное удовольствіе. Во-первыхъ, какъ общая правильная формулировка настоящаго политическаго момента. Во-вторыхъ, какъ формулировка позиціи Бунда.

Два года тому назадъ публицисты Бунда въ защиту организаціонной обособленности еврейскаго пролетаріата приводили, въ ряду другихъ доводовъ, указаніе на особое соотношеніе силъ внутри еврейской націи, причемъ главной особенностью этого соотношенія силъ являлось, на ихъ взглядъ, отсутствіе еврейскаго крестьянства.

Но вотъ теперь оказывается, что еврейскій пролетаріатъ ждетъ, что скажетъ русская деревня, „ждетъ и готовится“. Его политическая позиція опредѣляется соотношеніемъ силъ не внутри еврейства только, но внутри всего государства. Виленскіе заготовщики или бѣлостокскіе ткачи въ такой же мѣрѣ зависятъ отъ саратовской и пензенской деревни, какъ слесаря путиловскаго завода. Единство классовой борьбы пролетаріата внушаетъ социалдемократическимъ политикамъ одни и тѣ же лозунги—въ Вильнѣ и въ Петербургѣ.

Выводъ, который изъ этого слѣдуетъ,—организаціонное единство социалдемократіи. Это относится не только къ Бунду, но и къ обѣимъ фракціямъ нашей партіи. Требованіе сохраненія единства нужно съ особенной настойчивостью повторить теперь, когда мы снова вступаемъ въ нѣкоторое время въ подпольно-кружковое существованіе. Ничто такъ не сплачиваетъ партію, какъ открытая широкая активность рабочихъ массъ. Это мы видѣли въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

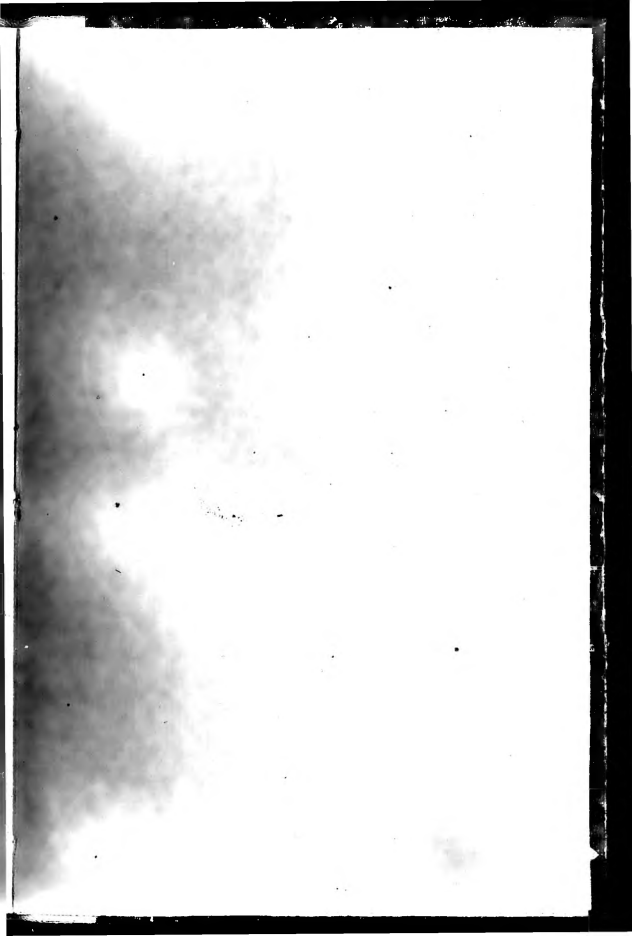
И наоборотъ, ничто такъ не способно плодить разногласія и культивировать ихъ, какъ кружковщина революціоннаго подполья. Это мы слишкомъ часто видѣли въ разные моменты нашей партійной жизни и, будемъ надѣяться, этого мы не увидимъ въ ближайшій періодъ.

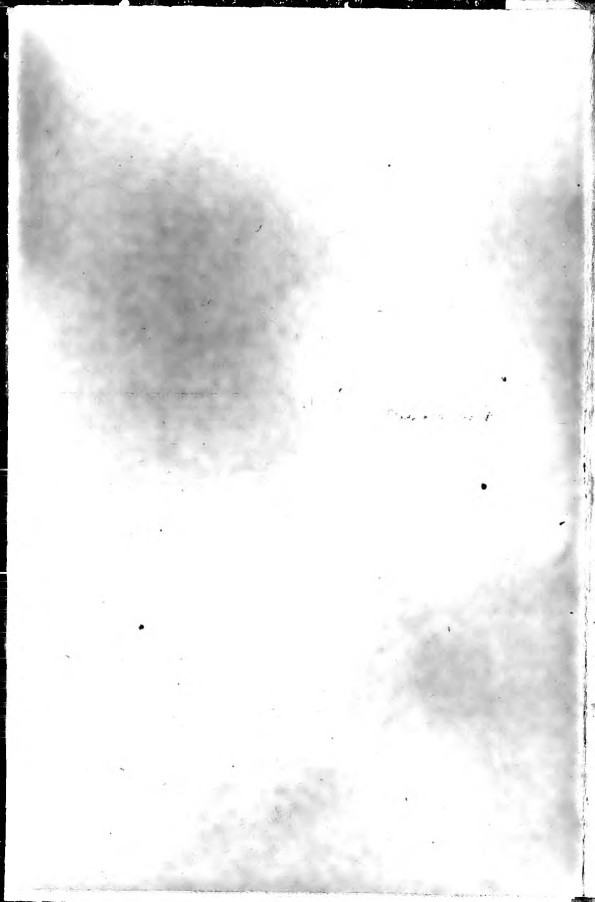
Революціонный подъемъ снова выдвинетъ на сцену массовыя безпартійныя организации. Соціалдемократія должна будетъ бороться въ нихъ за свое вліяніе. Только внутреннее единство можетъ обезпечить ей подобающую роль.

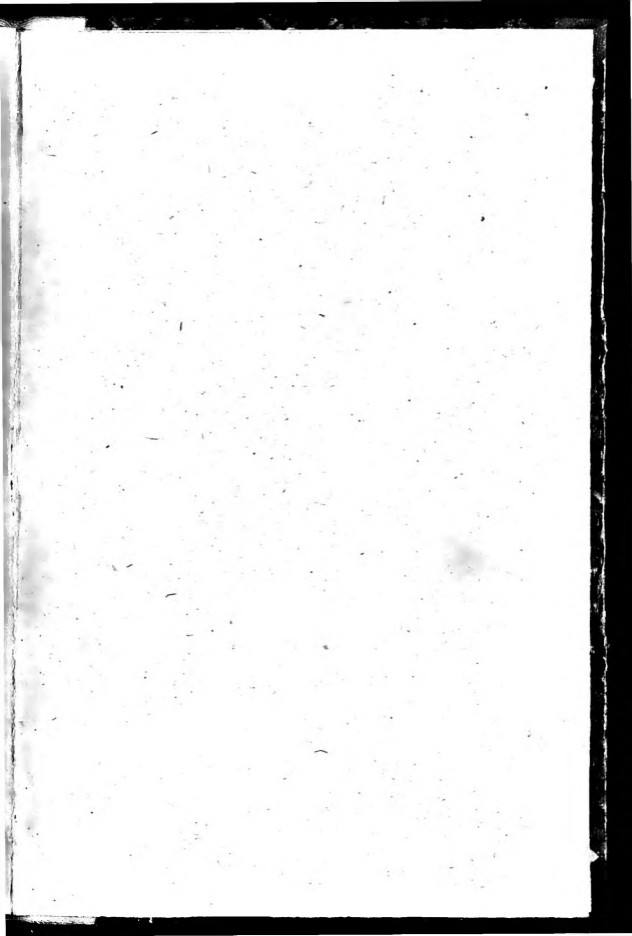
Объ фракціи—и фактически, и принципиально стоять на почвѣ классовой борьбы пролетаріата. Въ своихъ формальныхъ противорѣчіяхъ онѣ выражаютъ разныя, фактически не противорѣчащія, но искусственно разъединенныя потребности революціоннаго развитія рабочаго класса. Этимъ объясняется, что вліяніе ихъ колеблется въ зависимости отъ характера періода, причемъ ни одна изъ нихъ не способна вырвать почву изъ подъ ногъ у другой. Мы позволяемъ себѣ думать, что лучшее положеніе, какое можно выразить предъ лицомъ обѣихъ фракцій—это: *побольше доверія и революціонной логики классовой борьбы.*

1068609.

90к.

